

НУБИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР

Три четверти века тому назад Б.А. Тураев, отмечая роль древневосточного наследия для русской культуры, писал: «...интерес к изучению Древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе... Нами сделано в этом отношении слишком мало не только в смысле ученых и археологических изысканий, но даже в деле простого собирания памятников и спасения их от исчезновения... Не относясь с должным рвением и интересом к тому, что находилось у нас дома, мы уже совершенно пренебрегали тем, что находится за пределами»¹. Действительно, русские исследователи никогда не производили специальных раскопок на территориях распространения древневосточных цивилизаций, в том числе и в Египте. Такое положение дел имело целый ряд причин. Императорская археологическая комиссия ставила своей целью исследования только на территории Российской империи; организации, подобные протестантским Обществам библейской археологии, так много сделавшие для изучения ближневосточных древностей, в православной стране были невозможны; интересы русских меценатов на памятники древнего Востока распространиться не успели. Надежды, которые Тураев возлагал на созданную вскоре после революции ГАИМК², также не оправдались, и не по ее вине — изоляционизм и ксенофобия, господствовавшие на протяжении многих десятилетий советской власти, не создавали условий для развития археологических работ за рубежом. Подавление инакомыслия ставило гуманитарную науку в поистине тяжелое положение (из которого она не вышла и по сей день), когда ее спасала лишь самоотверженность ученых; о финансировании каких-либо «бесполезных» проектов и речи быть не могло. Поэтому участие археологов СССР в международной кампании по спасению древних памятников Нубии стало событием беспрецедентным. Несомненно, решающую роль здесь сыграла политическая конъюнктура, однако начало работ наших археологов за пределами стран социалистического лагеря было и одним из проявлений оттепели, впервые приподнявшей «железный занавес».

Грандиозная археологическая кампания, оказавшаяся крупнейшей в истории науки, была вызвана предстоящим затоплением огромной территории от Асуана до порога Даль, которая оставалась изученной все еще очень недостаточно. После затопления должны были навсегда исчезнуть известные и неизвестные памятники многих тысячелетий — начиная с палеолита и кончая средневековьем. Их гибель означала бы, что неразрешенными останутся многие проблемы зарождения древнеегипетской цивилизации, что исчезнут под водой грандиозные следы египетской экспансии в южном направлении, что полностью пропадут ценнейшие свидетельства о почти неизвестной христианской культуре Нубии. Необходимы были исследовательские и спасательные работы таких масштабов, которые не по силам ни одной стране, поэтому в 1959 г. правительства Египта и Судана обратились в ЮНЕСКО с просьбой об организации международной помощи по спасению исторического наследия Нубии. На призыв ЮНЕСКО откликнулись научные учреждения многих стран Европы, обеих Америк, Африки и Азии; в 1961 г. решение о своем участии в Нубийской кампании приняла и Академия наук СССР.

Кандидатура начальника экспедиции сомнений не вызывала. Им мог стать только человек, являющийся одновременно египтологом и археологом, единственным же в стране египтологом, имеющим опыт полевой работы, и археологом, умеющим читать египетские тексты, был Б.Б. Пиотровский. Борис Борисович получил образование и начал научную работу как египтолог; работа с египетскими памятниками собрания Эрмитажа, начавшаяся еще в студенческие годы, развила у него превосходное «чувство вещи», которое в сочетании с интересом к археологии обещало ему будущее прекрасного специалиста по материальной культуре древнего Египта. Вместе с тем учеба у Н.Я. Марра и И.А. Орбели породила у него глубокое увлечение археологией Кавказа, так что в середине 30-х годов

¹ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. Л., 1936. С. 5.

² Там же. С. 6.

Б.Б. Пиотровский на раскопках в Нубии

перед молодым ученым встал вопрос — Египет или Кавказ? Выбор был сделан в пользу полевой кавказской археологии, и о том, насколько удачным он оказался, говорить не приходится. Однако, хотя урартоведческие исследования отодвинули египтологию на задний план, Египет оставался для Бориса Борисовича первой любовью, о которой он никогда не забывал. Начало 60-х годов было временем завершения раскопок на Кармир-Блуре, ставших главным делом жизни Б.Б. Пиотровского, нужно было уже думать о полной публикации огромных материалов, полученных за три десятилетия, — и в этот момент последовало приглашение стать начальником Нубийской экспедиции. Сам Борис Борисович в шутку всегда говорил, что его заставили вернуться к египтологии, но, конечно же, работа в Египте была для него радостью — радостью встречи со страной, о которой он мечтал со школьных лет.

Советской экспедиции был выделен 30-километровый участок вдоль Нила в центральной части египетской Нубии (от Герф-Хусейна на севере до Махарраки на юге) и одно из крупнейших вад, впадающих в нильскую долину — Вади-Аллаки. Экспедиция работала два сезона: декабрь 1961 г. — март 1962 г. и декабрь 1962 — апрель 1963 г. Нубийская кампания ЮНЕСКО включала три основных вида работ: раскопки без последующего спасения памятников, поиски и копирование наскальных надписей и перенос на новые места архитектурных сооружений. Первоначально предполагалось, что советская экспедиция будет универсальной, как и многие другие, однако в силу вечной нищеты Академии наук от планов спасательной деятельности пришлось отказаться и все силы были сосредоточены на археологии и эпиграфике.

Первый сезон был преимущественно археологическим. В зоне исследования был выявлен ряд памятников, покрывающих огромный период от нижнего палеолита до эпохи Нового царства. Древнейшие материалы дали сборы в районе селений Дакка и Коштамна,

выявившие 11 местонахождений мустьерского времени; такая работа в этой части Нубии была проделана впервые. Следует отметить, что местонахождения расположены на крайне незначительной площади, свидетельствуя о большой населенности Нубии в палеолите. Обнаружен был также ряд местонахождений мезолитической себильской культуры, важнейшими среди которых оказались Хор-Набрук и Коштамна.

Главной работой первого сезона были раскопки своеобразного комплекса Хор-Дауд на правом берегу Нила. На площади $\frac{1}{4}$ га было раскопано 578 хозяйственных ям, из них 65 с находками. Всего обнаружено более 100 сосудов, преимущественно молочных, а также изделия из камня, глины, слоновой кости. Полученные материалы позволяют относить Хор-Дауд к рубежу IV—III тыс. до н.э., т.е. ко времени сложения в Египте централизованного государства. Важнейшей чертой Хор-Дауда является полное отсутствие каких-либо следов культурного слоя, свидетельствующее о том, что памятник следует расценивать не как поселение, а как хозяйственный комплекс при необнаруженном поселении. Отталкиваясь от материалов Хор-Дауда, Б.Б. Пиотровский пришел к весьма интересным выводам касательно истории хозяйства на этапе становления государственности. По всей вероятности, поселение, к которому относился Хор-Дауд, располагалось на западном берегу, где имелось достаточное количество пригодной для обработки земли, восточный же берег, изрезанный устьями вади, гораздо больше подходил для выпаса скота, и поэтому на нем возник специализированный комплекс по переработке молока. Таким образом, был обнаружен новый для египетской археологии тип памятника, позволяющий нетрадиционно взглянуть на роль скотоводства в ранний период сложения государства, которая даже в ареалах так называемых великих речных цивилизаций оказывается гораздо более значительной, чем обычно принято считать³. Достояния особого упоминания и высочайшая степень специализации производства, неожиданная для столь раннего времени.

Одновременно производились раскопки целого ряда могильников, относящихся к разным периодам. Западный могильник у селения Западная Коштамна (19 погребений), судя по погребальному обряду и керамике, относится к малоизученному раннему этапу нубийской культуры так называемой группы В, синхронной Раннему и Старому царствам в Египте. Особый интерес представляет самостоятельное, явно не имеющее отношения к соседним могилам погребение собаки. Интерпретация его неоднозначна, однако похоже, что здесь мы имеем дело с обычаем, аналогичным египетскому⁴, — параллелизм, наводящий на мысли о существовании сходных представлений собственно в Египте и на территориях к югу от него.

В могильнике Хор-Набрук возле селения Курта на площади 900 м² было раскопано 33 погребения с каменной выкладкой вокруг могильных ям, достигающей 80 см в высоту. По погребальному обряду они относятся к периоду расцвета культуры группы С, одновременному с XI—XII дин. в Египте. Примерно так же датируется и небольшой (16 погребений) могильник Наг эль-Шима возле Курты. Восточный могильник около Западной Коштамны относится уже к гораздо более позднему времени — он синхронен египетскому Новому царству.

Начато было также обследование Вади-Аллаки, однако в основном эта работа развернулась во втором сезоне, когда раскопки были уже почти полностью завершены. 300-километровое Вади-Аллаки должно было оказаться затопленным на 80—90 км и превратиться в обширный залив нового водохранилища. В древности через это вади пролегал караванный путь к нубийским золотым рудникам, отмеченный большим количеством наскальных надписей, оставлять которые египтяне были столь охочи. Эти надписи до начала деятельности советской экспедиции были почти неизвестны⁵.

³ Пиотровский Б.Б. Страницы древней истории Северной Нубии // Древняя Нубия. М.-Л., 1964. С. 12—13.

⁴ Ср., например, погребение собаки в саккарской мастабе № 3507 (I дин.) — Emery W. Excavations at Saqqara. Great Tombs of the First Dynasty. L., 1958. Pl. 91.

⁵ Cerny J. Graffiti at the Wadi el-Allaqi // JEA. 1947. V. 33. P. 52—57.

Поиски наскальных надписей под отвесными лучами египетского солнца — дело совсем не простое. Незначительное изменение освещения или точки зрения ведет к тому, что надпись «исчезает» и найти ее снова порой уже не удастся. Если учитывать это, станет понятным объем работ, проделанных при обследовании зоны затопления, и тогда 200 надписей (а также множество петроглифов), скопированных Б.Б. Пиотровским, на котором лежали обязанности эпиграфиста экспедиции, не покажутся результатом незначительным.

Граффити Вади-Аллаки не слишком эффектные, среди них нет царских текстов или текстов исторического содержания, однако они позволяют сделать немало выводов об организации ходивших здесь из века в век караванов. Более того, даже само расположение надписей, высекавшихся в местах стоянок, может служить для оценки длины дневного перехода экспедиций и караванов разного рода⁶. К тому же среди достаточно стандартных надписей имеется и некоторое количество свидетельств первостепенного значения. В первую очередь это относится к двум коротким граффити, оставленным высокопоставленными чиновниками времени VI династии — N(j)-s(w)-hw и Wnj. Из сохранившихся в их гробницах автобиографий известно, что они руководили экспедициями в Нубию, однако упомянутые географические названия мало что могут сказать об их маршрутах. Благодаря наскальным надписям из Вади-Аллаки эти маршруты более или менее определены, свидетельства автобиографий оказались подтвержденными независимыми источниками. И еще одна очень живая деталь. Обе надписи Старого царства расположены по соседству, так что когда высекалось граффито Wnj, он видел рядом следы пребывания здесь своего предшественника N(j)-s(w)-hw, о личности и делах которого он наверняка знал (между их экспедициями прошло не более 20 лет), и трудный путь по безжизненному вади становился легче — здесь уже проходил человек, успешно выполнивший то, что еще только предстояло его младшему современнику.

Задачи, стоявшие перед советскими учеными, были полностью выполнены за два полевых сезона. Хотелось надеяться, что на базе экспедиции, накопившей уже некоторый опыт работы в Египте, удастся создать постоянный археологический центр, столь необходимый для нашей египтологии. К сожалению, надежды так и остались всего лишь надеждами; после смерти Насера отношения между СССР и Египтом стали более прохладными, и ни о каком центре и мечтать уже не приходилось. В результате за последние 30 лет практически никто из наших египтологов не работал в Египте — ситуация, которую трудно охарактеризовать иначе как абсурдную.

Одним из результатов Нубийской экспедиции было поступление в Эрмитаж некоторых материалов раскопок (нескольких сот предметов), которые пополнили его коллекцию, создававшуюся крайне несистематично. В эрмитажном собрании впервые появились вещи, происхождение которых четко зафиксировано археологически.

Ни одна экспедиция не может считаться завершенной до тех пор, пока не будут изданы полученные ею материалы. Результаты работ первого сезона были опубликованы сотрудниками экспедиции в книге «Древняя Нубия» (М.—Л., 1964), вышедшей под редакцией Б.Б. Пиотровского с необычной для издательства «Наука» оперативностью. Над публикацией надписей Борис Борисович работал один, в годы, когда на него навалились многочисленные заботы директора Эрмитажа, поэтому ее выход в свет задержался. Части надписей были посвящены отдельные статьи, а в 1983 г. все они, наконец, были изданы в прорисовках, транскрипциях и (частично) в фотографиях в книге «Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии». Эта книга и стала завершающей точкой в деятельности Нубийской экспедиции, первой и пока последней в истории российской египтологии — будем надеяться, последней не навсегда.

А.О. Большаков

⁶ Пиотровский Б.Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983. С. 26.